

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ЯЗЫК-ПОСРЕДНИК И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТАТАРСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

*Бекметов Р.Ф.
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Российская Федерация
bekmetov@list.ru*

Публикация статьи осуществлена при финансовой поддержке РГНФ
и Правительства Республики Татарстан в рамках научного проекта № 16-14-16027

The article deals with the problems of translation of the Western classical literature into the Tatar language. A brief overview of the translations is provided, the importance of the role of the Russian language and literature is emphasized in the process of adaptation of Western cultural values, the today's state of the translation activity in the Republic of Tatarstan is represented.

Key words: Russian language, Tatar language, intermediate language, literary translation, Western literary classics.

Художественный перевод, как известно, – одна из весьма сложных форм межкультурной коммуникации. По-видимому, нет необходимости объяснять и доказывать то, что без хорошего, качественного перевода невозможно войти в контекст мирового литературного процесса и, тем более, занять в нем определенную духовно значимую нишу. Мысль эта стара, как мир, она высказывалась неоднократно и принадлежит к разряду простейших аксиом. В сущности, перевод был и остается движущей силой словесно-эстетического развития, и в этом отношении далеко не случайным является тот факт, что расцвет национальной литературы и культуры зачастую связан с активной деятельностью писателей в качестве мастеров переводческого дела. Выскажем и другую идею, на первый взгляд ей противоположную: нередко именно перевод становится парадоксальным способом выхода из затяжного социокультурного кризиса, пусть временным, но чрезвычайно эффективным и полезным средством замены национального, если это последнее по тем или иным причинам переживает глубокий упадок, а такое, увы, случается, ибо, согласно учению Л.Н. Гумилева, этногенез любого народа представляет собой неравномерный процесс, в котором возникновение и аккумуляция оригинальных ценностей сменяется их «энтропийным» распылением, исторической утратой.

Яркой иллюстрацией данного тезиса может служить пример создания в 1918 году усилиями М. Горького прославленного издательства «Всемирная литература». Оно объединяло писателей и поэтов разных стилевых школ для передачи в русском образном языке того, что вырабатывали классические литературы Запада и Востока в течение многих столетий. Мы сталкиваемся тут с особым феноменом «культурного рывка», «ускоренного движения», когда

национальная литература в до предела сжатый срок, убыстренно проходит этапы, на которые в других, более спокойных и умиротворенных, обстоятельствах понадобились бы годы и века. Конечно, этот случай нельзя назвать уникальным, из ряда вон выходящим. Достаточно сказать, что в начале XIX века не аналогичную, но типологически сходную ситуацию воспроизводил А.С. Пушкин, когда попытался вобрать опыт западноевропейской словесности и воплотить его в «конспективных переводах» (ср. термин «конспективная лирика» М.Л. Гаспарова). В самом деле, что такое «Капитанская дочка», если не своеобразная адаптация (а значит в некоторой степени и перевод) на русской почве исторического романа В. Скотта? Однако если простой английский роман – это растянутая по времени традиция, то роман пушкинский – его умная и быстрая выборка, технологически грамотная переработка, с отсечением всех повторов и излишеств.

Схожий по замыслу проект был предложен в суверенном Казахстане начала 1990-х годов. Тогда был составлен довольно обширный список имен и произведений, подлежащих обязательному переводу на казахский язык, и уточнен, тем самым, своеобразный стандарт образованного человека, на который предлагалось равняться. В этот стандарт входили в основном тексты западной литературной и философской классики (англо-американской, немецкой, французской), поскольку считалось, что восточная в главных чертах уже освоена, исходя из давней принадлежности казахской культуры к арабомусульманской суперэтнической системе. Проект этот, как можно понять, завершен не был; у части национальной интеллигенции он вызвал некоторое разочарование, поскольку поставленные цели не соответствовали полученному результату. Естественно, это не отменяет важнейших достижений, которых могло и не быть; среди них – перевод на казахский язык трудов М. Хайдеггера и Ж. Дерриды с комментариями составителей. Это настолько примечательно, что заслуживает упоминания, несмотря на малый состав переведенного. Казахский проект продемонстрировал, что на разломе эпох, в «точке бифуркации», культура может преодолевать ситуативное брожение телеологически, через анализ источников позитивного воздействия внешней среды. Напрашивающийся вопрос о том, почему это преодоление оказалось неполным, половинчатым и несистемным, требует отдельного серьезного рассмотрения.

Что касается татарского литературного перевода, то его история не написана. Нет целостной картины развития татарского переводческого ремесла. Татарский перевод сегодня, по нашим наблюдениям, переживает не лучшие времена. Это относится, в первую очередь, к переводам западной классической и современной литературы. Ее теперь почти не переводят, а если и берутся, то ограничиваясь по преимуществу произведениями, предназначенными для постановки на татарской театральной сцене, что понятно, если учесть «оперативность» драматургического рода литературы, когда отклик на текст постановки имеет самый живой, непосредственный характер. И в этом состоит существенное, принципиальное отличие татарского перевода от русского – более книжного, массового, направленного на отражение текущей художественной ситуации в разнообразных жанрово-стилевых формах.

Вместе с тем так было не всегда. К слову, в период с 1901 по 1917 годы, когда в среде татар шёл интенсивный процесс культурной переориентации с Востока на Запад, отдельными книгами в свет вышло около 36 наименований переводной продукции общим тиражом свыше 134.000 экземпляров (английская, немецкая, французская, испанская, итальянская, норвежская, греческая и проч. литература, переведенная либо напрямую, с языка оригинала, либо через русское или – что было чаще – турецкое посредничество) [1: 250]. В большинстве своем это были пьесы для стремительно складывавшегося национального театра. Объектом перевода становились как утвердившиеся в мировой репутации драматурги (вроде Ж.Б. Мольера), так и те, кого считали несомненно талантливыми, но третьестепенными в иерархии дарований писателями. К примеру, в 1908 году в типографии казанской газеты «Баян-уль-хакк» была опубликована трехактная пьеса ныне забытого французского драматурга Эжена Бриё «Испорченные» («Бозыклар») [2]. Перевод был выполнен Мухаметвали Мухаметзакировичем Апанаевым (1889–1922), рано умершим критиком, музыкантом, наследником огромного купеческого состояния. Автор пьесы, помимо прочего, рассказывал о нелегкой судьбе «падшей женщины» в обществе, благообразно прикрывающем порок отвлеченными моральными сентенциями. Выбор драмы с такой темой для перевода не был произвольным; он соотносился с тенденциями большой татарской литературы, где она обсуждалась в ракурсе судьбы одинокой девушки, попавшей из патриархальной деревенской среды в суетливую городскую обстановку и вынужденной совершить непоправимый шаг. (В западноевропейской литературе XIX и начала XX веков произведения подобного рода были часты; к ним с авторскими акцентами обращались и мэтры, от Эмиля Золя до Бернарда Шоу. Любопытно, что в 1914 году эта пьеса шла на подмостках бродвейского мюзик-холла, в 1915 году Э. Бриё адаптировал свой текст и представил его в виде сценария, по которому был снят для широкой публики немой фильм, а в 1919 году по тому же сценарию английский кинорежиссер А. Батлер поставил черно-белую экранизацию под названием «Бракованный товар»).

Интересно, что переводы сопровождались их обсуждением; над ними рефлексировали в поисках оптимальной модели идеологического и лингвистического выражения. При редакциях татарских газет организовывались кружки, на заседаниях которых рассматривались многочисленные вопросы переводческого мастерства. Многие из того, что являлось предметом устной полемики, переключивалось затем на страницы ведущих татарских журналов, чтобы вновь стать объектом дискуссии, порой острой и напряженной.

В раннесоветское время инерция прежнего подхода сохранялась, и переводили тогда по прямому государственному заказу, планомерно, исходя из интернациональных требований, и круг западных авторов значительно расширился. Переводили, главным образом, с русского языка, во вторичной обработке, причем не только драмы, но и крупные эпические и лирические тексты. Вот здесь, собственно говоря, и закладывается по-настоящему

фундамент того крайне любопытного социолингвистического и культурно-исторического явления, которое уместно называть «языком-посредником». Русский язык, а с ним и русская литература, стали выполнять функцию координирующей связи между разными народами и культурами. Если в досоветскую эпоху эта связь носила спорадический характер и лишь к началу XX века получила у татар идеологическое обоснование в рамках доктрины джадидизма, согласно которой изучение русской светской традиции допустимо в избранном объеме, то в советское время она укрепилась в виде официального (и притом программно) политического мировоззрения. Как всякую целостность, ее можно оценивать по-разному.

С одной стороны, нет смысла отвергать совокупность несомненных переводческих достижений, которые были получены благодаря такой тесной связи. Скажем, из всех жанров драматического искусства, взятых на перевод, популярностью в татарской среде пользовались либо комедии, либо драмы в узком значении слова; западные трагедии фактически до 1917 года не переводились. Они появились как раз в советский период (в 1940-е годы Наки Исанбет осуществил перевод «Гамлета» с английского языка, проверяя свою копию русским переводом М. Лозинского [3], и пьеса с успехом шла на сцене татарского театра; в 1960-е годы Габдулла Шамуков перевел трагедию Эсхила «Прометей Прикованный» с русского поэтического перевода [4], театральной постановки, правда, не было; античная тема, заметим, мало интересовала татарских читателей; до 1917 года специально для тиражных сборников переводился Эзоп, поскольку, во-первых, его басни имели назидательный смысл, важный в аспектах детского чтения, и, во-вторых, образы древнегреческого баснописца напоминали восточные, знакомые по сюжетам арабских и персидских сказок и дидактических новелл; после 1917 года, помимо Эсхила, перевели «Мифы и легенды Древней Греции и Рима» Н. Куна, множество раз издававшийся сборник, и этим дело ограничилось). Вышли также в свет «капитальные однотомники», предназначенные для юношеского чтения и сыгравшие принципиальную роль в формировании эстетических вкусов татарских читателей: Уолт Уитмен в переводе Марса Шабаева [5], Герберт Уэллс и Джон Лондон – Фарваза Миннуллина [6; 7; 8], Иоганн Гёте – Махмуда Максуда [9], Поль Бомарше – Габдуллы Шамукова [10], Уильям Шекспир как автор сонетов – Шарафа Мударриса [11], не считая многочисленных журнальных публикаций. В советские годы окончательно сложилась школа татарского литературного перевода и, тем самым, была задана высокая планка, на которую переводчики считали нужным ориентироваться.

С другой стороны, проблематичным выглядел концепт «советский народ», который лежал в основе механизма полиэтнической интеграции. В теоретической проекции он казался, да и кажется многим сейчас, спустя десятилетия, привлекательным, в практической же плоскости – приводил к коренному размыванию многообразных форм национального. В этом плане среди татарских переводчиков мы отчетливо обнаруживаем пульсирующую тенденцию к преодолению русской «посреднической миссии» в общении с Западом. Киям Миннибаев, один из видных мастеров татарского слова, работая

в конце 1970-х годов над переводом романа Габриэля Маркеса «Сто лет одиночества», ощущал недостаточность русской переводной копии и предпочитал идти более трудным и менее проторенным путем: изучить, насколько возможно, испанский литературный язык, чтобы познакомиться с оригиналом и оценить его прелесть «лицом к лицу». Кроме того, такое преодоление диктовалось и объективными обстоятельствами, а именно тем, что перевод, даже самый добросовестный, искажает подлинник, вносит в него новые элементы, соответствующие этнической или индивидуально-творческой картине мира самого переводчика. Учтем и то, что связующая роль русских переводов западной литературы имела разный *коэффициент применимости*, если сравнивать его с татарской и нетатарской (но, допустим, тюркской же) рецепцией. Территория компактного расселения волжских татар – Восточная Европа, до границ Уральского хребта, или «Каменного пояса»; себя они, несмотря на принадлежность к мусульманской культуре, соотносили с семьей европейских народов, во всяком случае, ощущали той серединой, которая скрепляла столь непохожие друг на друга этнокультурные пространства Запада и Востока. С Западом поэтому можно было, пусть гипотетически, в идеальном измерении, говорить «напрямую». Отнюдь не случайно в пылу полемики татарские критики начала XX столетия настаивали на открытом и непосредственном диалоге с Западом, полагая, что российская государственная машина, огромная, неповоротливая, обремененная бюрократическими страхами, препятствует свободному развитию культуры, мешает поиску творческих взаимодействий. Советский период истории, несмотря на жесткость осуществления партийно-идеологических задач, не сумел нейтрализовать эту форму глубинного мировосприятия. В то же время для тюркских народов, живущих восточнее и южнее Уральского хребта, русская цивилизация являлась, со всеми неизбежными оговорками, носителем западных ценностей. Географическое местоположение переводчика в аспекте близости к Западу, если подумать, имеет значение, хотя и не решающее, а потому пренебрегать этим фактором не следует. Отсюда логически вытекает различие внутренних запросов. Если в одной ситуации русский перевод западного классического произведения был достаточен, чтобы почувствовать причастность к трендам мировой литературы, то в иной – нет. Показательно, что в современном Узбекистане западную литературу переводят с оригинала: процесс глобализации обязывает. И все же интерес к западной литературе устойчиво формировался в недавнем прошлом, когда единое советское пространство поощряло мысль о синтезе, а синтез этот протекал как диалог между Западом, точнее – его русским художественно-философским осмыслением, и Востоком, вернее – собственной национально-узбекской словесностью (знаменитые «ферганская» и «ташкентская» школы, представители которых занимались переводами, тому пример).

Тем не менее, приходится с очевидностью констатировать, что и ныне русский язык для татар-переводчиков остается «языком-посредником» – не только в адаптации западной литературы, но и литературы народов России и Ближнего зарубежья. Русский язык, таким образом, – это компонент

евразийского *культурного* сплочения, знак общности многовековой *исторической* судьбы, что в принципе при обдуманном подходе в новейших условиях должно вести к спокойному паритету национальных языков, если не осложнять его политическим моментом. Своеобразным аналогом русского языка в таком случае может быть греческий времен эллинизации Востока, латинский эпохи римского владычества, общетюркский периода Золотой Орды. Во всех случаях общий язык «для внешней связи» соседствовал с местными языками «для внутренних отношений», и зоны их употребления были распределены до тех пор, пока не происходили кардинальные перемены в этногенезе.

Сегодня татарских переводов западной литературы мало – настолько, что в обзорном описании ими можно пренебречь. То, что публикуется, связано с советской школой татарского переводоведения (см.: [12]). Это кажется странным, если учесть, что диапазон литературных материалов для переводческой практики стал шире. Здесь есть проблемы; среди них – отсутствие государственной помощи. Добротные переводы требуют колоссально большого времени; в условиях тотальной коммерциализации переводческий продукт нуждается в поддержке, не только финансовой, но и морально-культурной, когда поощряется дискуссия о качестве перевода на всех этапах обсуждения, от простой черновой версии до окончательного текста, и приветствуется стандарт переводного произведения, а не скороспелые низкопробные подделки.

Не претендуя на решение абсолютно всех проблем, попытаемся пояснить в трех пунктах, что может сделать филологическая татарика как отрасль научного знания для стимулирования практического перевода и как использовать потенциал русской лингвокультурной традиции (а она, разумеется, входит в понятие «русский язык как язык-посредник»).

Во-первых, невозможно создать историю татарского переводческого искусства без элементарной каталогизации имеющихся переводов западной классики на татарский язык. Проблема систематизации переводов – одна из основных. Она в значительной мере затруднена тем, что переводческий материал разбросан, и приходится прикладывать усилия, чтобы собрать его в относительное единство. Слабое звено – тексты до 1917 («дооктябрьского») года. Сошлемся на случай Галиаскара Камала, выдающегося татарского драматурга, который много переводил. Львиная часть его переводов не издана и хранится в старой рукописной форме. Архивы надо публиковать, а в идеале оцифровывать. Принципы систематизации наиболее полно представлены в библиографических описаниях, посвященных русским переводам, и этот опыт поистине бесценен.

Во-вторых, перевод трудно представить без лексикографической работы. Нынешние иностранно-татарские словари, как общие, так и отраслевые, оставляют желать лучшего. Дело в том, что сам подбор лексики в них зачастую случаен и неустрожен. Иллюстративной части в подавляющем числе случаев нет, а язык сложно осваивать без понимания речевого контекста (контекста в динамике). Отвлеченное употребление слова ни о чем не говорит. Нужны

примеры, но не «мертвые», а взятые из живого языка. Образцами могут стать первоклассные западные двуязычные словари, что не означает, будто, уйдя в крайность, нужно отказаться от российской лексикографической базы. Напротив, об опыте классических иностранно-русских словарей необходимо помнить.

В-третьих, только на точечных примерах можно составить представление о принципах переводческого мастерства. Именно из частных исследований будет складываться рельефная панорама. Перспективным видится соотнесение татарских переводных копий с переводами западной литературы на иные тюркские языки. Типология тюркских литературных переводов способна прояснить аспекты культурного и этнического мышления переводчиков на фоне их индивидуальных подходов в работе с иноязычными текстами. Однако и тут – богатые по материалу русские научно-переводческие сборники с кропотливым анализом остаются непревзойденными примерами исследовательского жанра.

Проблемы, затронутые нами, бесспорно, должны обсуждаться. Татарские читатели подобные вопросы ставят: мы судим об этом по материалам различных форумов на просторах «всемирной паутины». В конечном счете, лишь появление татарского перевода саги о Хоббитах Джона Толкиена или романа о Гарри Потере Джоаны Роулинг может стать весомым ответом на предложенные комплексные стимулы. Важно, чтобы положительная, проверенная временем, устоявшаяся переводческая парадигма русского языкового сознания была освоена и учтена.

Литература

1. Гилязов З.З. Переводы произведений западной литературы на татарский язык в 1901–1917 годах (в книжных изданиях) // История России и Татарстана: итоги и перспективы энциклопедических исследований: сб. ст. итоговой научно-практической конференции (г. Казань, 26–27 февраля 2009 года) / отв. ред. А.И. Ногманов. – Казань, 2009. – С. 250–252.
2. Бриё Э. Бозыклар. Драма 3 пәрдәдә / тәржемәче В. Апанаяев. – Казан: Типография «Баянгуль-хакъ», 1908. – 67 б.
3. Шекспир У. Гамлет. Трагедия 5 пәрдәдә / Н. Исәнбәт тәржемәсе. – Казан: Татгосиздат, 1952. – 188 б.
4. Эсхил. Богаулаган Прометей / тәржемәсе Г. Шамуков. – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1964. – 62 б.
5. Уитмен У. Үлән яфрактары / тәржемәчесе М. Шабаяев. – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1975. – 223 б.
6. Уэллс Г. Күренмәс кеше / Ф. Миңнуллин тәржемәсе. – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1979. – 160 б.
7. Уэллс Г. Галәмнәр сугышы / Ф. Миңнуллин тәржемәсе. – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1987. – 295 б.
8. Лондон Д. Мартин Иден / Ф. Миңнуллин тәржемәсе. – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1982. – 376 б.
9. Гёте И. Фауст / тәржемәсе М. Максуд. – Казан: Татгосиздат, 1948. – 203 б.

10. Бомарше П. Комедияләр / тәржемәче Г. Шамуков. – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1980. – 264 б.
11. Шекспир У. Сонетлар / инглиз теленнән Ш. Мөдәррис тәржемәсе. – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1961. – 173 б.
12. Дөнья драматургиясеннән үрнәкләре: пьесалар / тәржемәче һәм төзәтүче Р. Тумашев. – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2012. – 509 б.